

Липилина Е. Ю.

**ИССЛЕДОВАНИЯ А. Н. РОБИНСОНА В ОБЛАСТИ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ АГИОГРАФИИ
ДРЕВНЕЙ РУСИ**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/48.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 115-117. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Представим классификацию текстов по типу объекта эмотивного высказывания в виде Таблицы:

Уровень	Объект эмотивного высказывания	
Первый уровень (для самостоятельного моделирования)	1. Субъект (объект-человек) эмотивного высказывания	
	а) a computer geek, a computer nerd, a programmer (компьютерный фанат или специалист в области информационных технологий (часто программист), которого интересует исключительно эта область, и который смотрит на окружающий мир через призму компьютеров, программ и всего того, что к ним относится)	б) an unskilled computer user (ламер)
	в) a hacker (хакер)	г) parents and children (дети и родители)
Второй уровень для учебного моделирования (guided modeling)	2. Computer Items (программное обеспечение и аппаратные средства)	
	а) a computer (personified) hardware	б) OS Windows (Linux)
Третий уровень для работы, направленной на эмотивное насыщение	3. Generalized Object (абстрактный объект)	
	а) жалоба (complaint)	б) забавная мысль (funny thought)
Третий уровень для работы, направленной на эмотивное насыщение	4. Различные образы, созданные:	
	а) орфографические ошибки (misspelling)	б) игра слов
	в) неправильное использование компьютерного термина в повседневной жизни	
	5. Факты из истории информационных технологий, защиты информации	

Список использованной литературы

- Белкина Е. П.** Обучение квалификативному высказыванию на английском языке с использованием аутентичных текстов в одиннадцатом классе средней общеобразовательной школы: Дисс. ... канд. пед. наук. - Екатеринбург, 2002. - 203 с.
- Латыпов Р. А.** Обучение студентов факультета информационных технологий эмотивным высказываниям на иностранном языке как фактор повышения качества подготовки специалистов // Вестник Астраханского государственного технического университета. - 2007. - № 2 (37). - С. 284-290.
- Латыпов Р. А.** О модели эмотивного высказывания и комплексе упражнений для обучения эмотивному высказыванию на английском языке студентов неязыкового вуза // Академический журнал Западной Сибири. - № 6. - 2006. - С. 33-37.

ИССЛЕДОВАНИЯ А. Н. РОБИНСОНА В ОБЛАСТИ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ АГИОГРАФИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Липилина Е. Ю.

Казанский государственный университет

В данной статье мы поставили цель обобщить основные достижения в области изучения старообрядческой житийной литературы древней Руси такого крупного медиевиста, как А. Н. Робинсон. Специально на этой проблеме внимание ученых не заострялось. Наше же исследование призвано сделать некоторые обобщения, подвести итоги.

В советское время началось активное исследование старообрядческой литературы, в основном, творчества протопопа Аввакума и его духовного отца Елифания. В статье «Творчество Аввакума и общественные движения в конце XVII в.» [7] дается характеристика противоречивости мировоззрения Аввакума, «Житие» рассматривается на широком историческом фоне, определяются общественно-политические основы раскола.

В работе «Исповедь-проповедь (о художественности «Жития» Аввакума)» [5] сделан вывод о «двуплановости» Жития: двойственен образ самого Аввакума (грешник-пророк), многие эпизоды произведения (например, в чудесах - соединение сакрального и бытового), двойственно отношение Аввакума к изображаемым ситуациям (трагическое и комическое), стиль произведения (совмещение высокого и низкого пластов) и, наконец, сам жанр (житие-автобиография, исповедь-проповедь). Именно «двуплановость» «Жития», по мнению ученого, вызвала интерес к нему писателей и исследователей последующих эпох: выросло внимание к художественной стороне произведения, на первый план выдвинулась его «исповедальность».

А. Н. Робинсон был первым, кто со строго научных позиций подошел к изучению творчества сподвижника Аввакума - инока Елифания. В статье «Житие Елифания как памятник дидактической автобиографии» [4] он рассматривает «Житие» как ранний опыт дидактической литературной автобиографии. Исследователь выясняет, что нового (а именно, какие элементы автобиографического повествования) привнес Елифаний в

традиционную систему агиографии. Для этого он выявляет те литературные приемы, при помощи которых писатель раскрывает внутренний мир своей личности, свои душевные переживания.

В итоге Робинсон приходит к выводу о том, что «возникновение дидактической автобиографии на идейной и литературной основе житийной биографии сопровождалось существенным изменением жанра и стиля произведения и появлением новых условий для изображения прежде всего внутренней жизни человека» [4: 223].

Об этом же говорится и в работе «Автобиография Епифания» [2]. Робинсон рассматривает в ней вопросы содержания и принципы построения произведения, разбирает писательские приемы Епифания (внутренняя и внешняя мотивировка действия, приемы хронологизации повествования и др.) и способы раскрытия образа главного героя (внутренний монолог, антитеза и др.). Исследователь выявляет, какие изменения претерпевают в произведении традиционные житийные сюжеты, мотивы (например, борьба с бесами).

Исследователь делает вывод, что «автобиографическое изображение внешней и конкретной жизни человека в ее социальной обусловленности не вышло еще у Епифания за пределы старых схем житийной литературы, хотя эти схемы и получили в его творчестве своеобразную композиционную разработку» [2: 132]. Но главное новаторство писателя, по мысли ученого, заключается в том, что ему удалось построить свою дидактическую автобиографию как описание внутренней жизни человека.

Ряд работ А. Н. Робинсона посвящен истории творческого общения Аввакума и Епифания, сопоставительному анализу их житий и выявлению художественного своеобразия каждого. Статья «Аввакум и Епифаний (К истории общения двух писателей)» [1] представляет собой анализ художественных принципов автобиографического повествования у Аввакума и Епифания. Ученый выясняет, что эти авторы шли разными художественными методами от житийной биографии к автобиографии: Аввакум воплощал события биографии человека, у Епифания акцент сделан на раскрытии душевной жизни. В результате обе автобиографии явились значительным шагом вперед по пути создания новых способов изображения человека.

В монографии «Жизнеописания Аввакума и Епифания» [3] А. Н. Робинсон рассматривает творчество обоих писателей на широком историческом фоне: он разделяет точку зрения о том, что борьба раскольников с никонианами отражала общественные противоречия эпохи.

Обратившись непосредственно к самим житиям, ученый проводит их сопоставление: исследует композицию, способы связи биографических эпизодов у обоих писателей, изображение ими чудес и видений, своей личности и душевных переживаний, а также принципы описания мира, людей и природы. Он также изучает причины возникновения жанра автобиографии и его связь с предшествующей литературой, в частности, с жанром жития. В итоге Робинсон приходит к выводу, что «Епифаний делает первый шаг от житийной традиции к условно-схематической автобиографии, а Аввакум создает первую в русской литературе уже реальную в своей основе развернутую автобиографию» [3: 85].

В конце работы опубликованы «Жития» протопопа Аввакума и Епифания (последнее - первый раз на научном уровне).

В статье «Об историко-функциональном изучении памятников древнерусской литературы» [6] Робинсон предпринимает попытку рассмотреть «Житие» Аввакума с историко-функциональной точки зрения. Он отмечает связь данного произведения с «тюремной» литературой («Городом Солнца» Т. Кампанеллы, «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и др.), приводит многочисленные высказывания о нем писателей разных эпох: И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, М. Горького, Л. Леонова и др. При анализе самого «Жития» акцент сделан на двойственности, пронизывающей всю его художественную ткань. Именно она, по мнению исследователя, способствует интересу к этому произведению всей последующей литературы.

Таким образом, основными заслугами А. Н. Робинсона в области исследования древнерусской старообрядческой агиографии могут быть признаны: во-первых, изучение творчества Аввакума с учетом особенностей его мировоззрения; во-вторых, научный литературоведческий анализ ранее мало изученного «Жития» инока Епифания, выявление его жанровой специфики; в-третьих, сопоставление произведений Аввакума и Епифания и определение художественного своеобразия каждого и различий между ними, и, наконец, Робинсон внес большой вклад не только в исследование старообрядческой литературы, но и в целом в разработку вопроса о трансформациях жанра жития, которые он претерпевает в XVII в.

Список использованной литературы

1. **Робинсон А. Н.** Аввакум и Епифаний (К истории общения двух писателей) / А. Н. Робинсон // ТОДРЛ. - 1958. - Т. XIV. - С. 391-403.
2. **Робинсон А. Н.** Автобиография Епифания / А. Н. Робинсон // Исследования и материалы по древнерусской литературе. - М.: Изд-во АН СССР, 1961. - С. 101-132.
3. **Робинсон А. Н.** Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследование и тексты / А. Н. Робинсон. - М.: Изд-во АН СССР, 1963. - 315 с.
4. **Робинсон А. Н.** Житие Епифания как памятник дидактической автобиографии / А. Н. Робинсон // ТОДРЛ. - 1959. - Т. XV. - С. 203-224.
5. **Робинсон А. Н.** Исповедь-проповедь (о художественности «Жития» Аввакума) / А. Н. Робинсон // Историко-функциональные исследования: Сб. ст. к 75-летию акад. Н. И. Конрада. - М.: Наука, 1967. - С. 358-370.
6. **Робинсон А. Н.** Об историко-функциональном изучении памятников древнерусской литературы / А. Н. Робинсон // Известия АН СССР: ИЮЛЯ. - 1979. - Т. 38. - Вып. VI. - С. 521-529.

Г. Л. БРАЙКО - ПЕРЕВОДЧИК «ВЕРТЕРА» И. В. ГЁТЕ

Лобачёва Д. В.

Томский государственный университет

Перевод Г. Л. Брайко из романа И. В. Гёте «Страдания юного Вертера» до сих пор не заслужил должного внимания исследователей. Так, в книге В. М. Жирмунского «Гёте в русской литературе» его имя отсутствует; а З. В. Житомирская в библиографическом указателе русских переводов произведений И. В. Гёте называет его «анонимным критиком» [Житомирская 1972: 193]. Брайко не упомянут и в библиографии первых переводов «Вертера» на русский язык, опубликованной в качестве дополнения к последнему изданию романа в юбилейном выпуске серии «Литературные памятники» в 1999 г.

Тем не менее, перевод Брайко занимает особое место в истории рецепции «Вертера» в России, поскольку синоптическое рассмотрение и сравнение с первым переводом романа на русский язык дает возможность сопоставить переводческие стратегии, и следовательно, точнее реконструировать горизонт ожидания читателя конца XVIII в.

Сразу после выхода в свет в 1781 г. первый перевод «Вертера», выполненный студентом Академического университета Ф. Галченковым, получил негативную оценку «Санкт-Петербургского вестника». Рецензентом журнала являлся Г. Л. Брайко. Он активно работал над переводами для издания и отличался серьезным отношением к переводческому делу. Критик не только заявил о низком качестве перевода, но и, руководствуясь установкой, что задача хорошего переводчика «стараться изобразить мысли сочинителя и сохранить простоту его выражений» [Санкт-Петербургский вестник 1781: 139], привел параллельно собственный вариант перевода соответствующих писем гетевского романа, обозначив его как «перевод журнала».

При этом оба варианта перевода были даны параллельно и не сопровождались никакими критическими комментариями со стороны рецензента, также отсутствовал и немецкий оригинал. Таким образом, российскому читателю, уповая на авторитетность журнала, только и оставалось, что сравнивать оба русских перевода, считая каждое «несовпадение» галченковского варианта с переводом журнала за ошибку первого.

Ф. Галченков. Письмо II мая 10:

Непонятная радость объемлет мое сердце; душа моя спокойна, как тихое утро весны. В уединении моем восхищаюсь жилищем, приличным моему расположению, и наслаждаюсь в нем блаженством жизни. Друг мой! Я так счастлив, так упоен сладостью моего бытия, что и знания мои забываю. Я не в состоянии ничего изобразить, ни провести ни единой черты; но никогда не был столь искусным живописцем, как теперь. Ибо когда легчайший пар покрывает веселые долины; когда солнце среди своего течения отдыхает на вершинах густо сплетенных деревьев, ограждающих меня непроницаемою тенью, пропуская оные только слабые свои лучи во внутрь моего святилища; когда возлежа на густой мураве при быстро текущем источнике, утешаюсь различием злаков, общаюсь тварям, меня окружающим, кои журчат на классах, прыгают или пресмыкаются на траве; тогда ощущаю присутствие Всемогущего, Создавшего нас; тогда исполняюсь вдохновением Предвечного, коего беспримерным милосердием движемся и живем, словом, друг мой, когда взор мой омрачается; когда небо и земля совокупно в душе моей успокаиваются, подобно как образ возлюбленной моей; тогда пришел в себя помышляю: ах! Если б ты возмог изъяснить сии приятства с таким совершенством, с такою силою, с каковою они в тебе впечатлеваются; сие было бы зеркалом души твоей, как душа твоя есть зеркало беспредельного Существа. Друг мой, но величественность сих воображений меня смущает и разит [Страсти молодого Вертера 1781: 5].

Перевод журнала (Г. Л. Брайко):

Удивительная веселость овладела всею моею душою, подобно аки сладкие весны утра, которых я всем сердцем наслаждаюсь. Я один, и веселюсь жизнью моею в сей стороне, которая для подобных душ, какова моя, сотворена. Я столь счастлив, лучший друг! столь совсем погружен в чувство спокойного бытия, что искусство мое от того терпит. Ныне я не в состоянии рисовать, хотя никогда совершеннейший живописец не был, как в сии минуты. Когда приятная долина около меня дымится и высокое солнце покоится на поверхности непроницаемой леса моего темноты, и только некоторые его лучи вкрадываются во внутренность сего святилища, тогда я лежу в высокой траве при вниз падающем потоке, и на теле земли рассматриваю разнообразные примечания достойные травки. Когда я всем сердцем чувствую движение малого света между классами, несчетные и непостижимые виды всех червячков, мушек, и чувствую присутствие всемогущего, который в вечной благодати любовью своею нас содержит; друг мой! когда около очей моих смеркает, и свет около меня и небо в моей душе покоятся, аки вид возлюбленной, тогда я часто желаю и думаю: ах! если бы ты мог паки то изобразить, если бы ты мог в хартию то вдохнуть, что во всей своей полноте и в тебе живет, дабы оное было зеркалом твоей души, подобно аки душа твоя, есть зеркало бесконечного бога! друг мой! сие меня губит, я изнемогаю под силою величия сих явлений [Санкт-Петербургский вестник 1781: 140-144].

Первое замечание Брайко полемически касалось самого названия романа в переводе Галченкова. «Переводчик *страсти* употребил вместо *страданий*; - писал он в примечании, - правда, *страсти* в славянском языке значат то же, что *страдания*, однако в российском языке, в сем смысле, сколько кажется, сие слово не